

ЧАРЛЬЗ ТИЛЛИ

Режимы и их оспаривание¹

Каким образом формы политического оспаривания — революции, забастовки, войны, социальные движения, перевороты и прочие — варьируются от режима к режиму? В какой степени и каким образом различия в политике оспаривания и трансформациях режимов обуславливают друг друга? Всегда ли быстрая смена режима сопровождается страшным насилием? Эти вопросы волнуют нынешние исследования демократизации с их дебатами между теоретиками, считающими, что достигнутые между элитами соглашения составляют необходимое и достаточное условие для демократии, и теми, кто утверждает, что демократия возникает в результате взаимодействия между действиями правящих классов и народной борьбой. Они возникают тогда, когда политические аналитики задаются вопросами, касающимися того, насколько (и при каких условиях) социальные движения способствуют демократии и насколько стабильная демократия гасит или приручает социальные движения. Они возникают также в исследованиях того, склонны ли демократии избегать войн друг с другом. И, по крайней мере в виде контекста, они присутствуют во всех исторических объяснениях низовой политики. Они играют важную роль в любом анализе взаимодействия между демократией и властью.

Те же вопросы всплывают в исследованиях трудовых конфликтов, где одна школа мысли считает, что забастовки представляют собой результат провала переговоров, которые при использовании других средств могли бы оказаться более результативными, другая школа мысли утверждает, что забастовки ведут к компромиссу между рабочей силой и капиталом и тем самым невольно интегрируют рабочих в капитализм, а третья полагает, что забастовки являются рациональным и важным средством борьбы при промышленном капитализме,

¹ Charles Tilly. Regimes and Contention, in Thomas Janoski, et. al (eds). *The Handbook of Political Sociology: States, Civil Societies, and Globalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 424–440.

но не более. Они преследуют всякий анализ революции, который должен рассмотреть вопрос о том, насколько определенные виды оспаривания способствуют совершению революций и насколько революции вызывают определенные виды оспаривания. Тем не менее у нас нет никакой последовательной теории относительно связей между сменой режима и политикой оспаривания. То есть у нас нет никакого общепринятого и опытно доказанного объяснения того, как преобладающие формы народной борьбы варьируются и меняются от режима к режиму, а также, откуда берутся такие вариации и изменения. Выработке последовательной теории мешают по крайней мере две вещи: во-первых, сложность, обусловленность конкретными обстоятельствами и изменчивость отношений между сменой режима и политикой оспаривания; во-вторых, отсутствие общего согласия относительно кодификации различий между режимами.

Я не собираюсь излагать в этой главе общую теорию смены режимов, политики оспаривания или взаимодействия между ними. Я буду исходить из ряда посылок, отрицающих возможность общей теории в этой области, выявляющей некое подобие законов:

- важно проследить влияние существующих прецедентов, моделей, практик и связей со всякой отдельной последовательностью изменений
- последовательности и структуры редко или вообще никогда не повторяются полностью
- но менее масштабные причинные механизмы действительно повторяются в самых различных обстоятельствах
- поэтому объяснение изменений в оспаривании, режимах и взаимодействии между ними имеет две составляющие: 1) выделение важных причинных механизмов; 2) анализ того, как предшествующие и существующие условия влияют на связность и последовательность этих причинных механизмов
- и даже если предположить, что нам удастся прийти к исчерпывающему объяснению, удовлетворительное описание взаимодействия между сменой режима и политикой оспаривания не примет форму общих законов для больших последовательностей или структур, а будет касаться ограничений, накладываемых на комбинации и последовательности механизмов. (Tilly, 2001)

В настоящей статье эта обширная программа существенно упрощается и ограничивается выделением общих соответствий между режимами и формами политики, которые нуждаются в объяснении. Во-первых, в статье рассматриваются некоторые известные классификации режимов для извлечения из них того, что может играть важную роль в различиях и изменениях в политике оспаривания. Затем производится синтез идей из этих схем в новой карте различий и смены режимов. Потом

рассматриваются возможные корреляты и следствия смены режимов с выделением причинных механизмов, заслуживающих дальнейшего рассмотрения. Кроме того особое внимание уделяется механизмам, проявляющимся в политическом оспаривании: прерывистые, коллективные, публичные требования, выдвигаемые политическими участниками. Политика оспаривания простирается от народных бунтов до забастовок, избирательных кампаний и социальных движений (McAdam, Tarrow, and Tilly, 2001). В конце статьи будут изложены не ответы, а предположения относительно исследовательской программы.

Каким образом мы будем картографировать режимы? Для начала Аристотель нарисовал потрясающе простую картину: «когда один ли человек, или немногие, или большинство правят, руководясь общественной пользой, естественно, такие виды государственного устройства являются правильными, а те, при которых имеются в виду выгоды либо одного лица, либо немногих, либо большинства, являются отклонениями». Эти рассуждения приводят к простой типологии всех форм правления:

Правильные формы	Извращенные формы
Монархия	Тирания
Аристократия	Олигархия
Полития	Демократия

Таким образом, если один правитель (монарх) преследует свои собственные личные интересы, а не общее благо, он становится тираном; если аристократия точно так же использует государственную власть для своего блага, режим становится олигархией, а если большинство в политие преследует только свою собственную выгоду, не заботясь об общем благе, режим становится демократией.

Согласно аристотелевскому принципу, правильная монархия покоилась на правлении одного лучшего, аристократия — на правлении богатых и лучших, а полития — на правлении свободных мужчин. (По Аристотелю, неумолимая природа обрекала женщин, как и рабов, на подчиненное положение). Поскольку богатые обычно немногочисленны, а свободных бедняков много, то, как утверждал Аристотель, аристократические режимы означают правление немногих в общих интересах, а полития — правление многих, точно так же в общих интересах. Извращения — тирания, олигархия и демократия — возникают тогда, когда правители — один, немногие или многие — ставят свои собственные интересы выше общего блага. Характерное для демократии извращение, с точки зрения Аристотеля, состоит в том, что бедные правят вопреки интересам общества и вопреки интересам богатых.

Конечно, Аристотель признавал различия внутри своих основных типов режима, выделяя, к примеру, пять типов демократии:

При пятом виде демократии... верховная власть принадлежит не закону, а простому народу. Это бывает в том случае, когда решающее значение будут иметь постановления народного собрания, а не закон. Достигается это через посредство демагогов. В тех демократических государствах, где решающее значение имеет закон, демагогам нет места, там на первом месте стоят лучшие граждане; но там, где верховная власть основана не на законах, появляются демагоги. Народ становится тогда единоподданым, как единица, составленная из многих: верховная власть принадлежит многим, не каждому в отдельности, но всем вместе... и этот демократический строй больше всего напоминает из отдельных видов монархии тиранию.

В этих обстоятельствах демагоги часто призывают толпу напасть на богатых и тем самым захватить власть себе. Таким образом, демократия превращается в тиранию. Когда дело касалось деталей, Аристотель учитывал множество переходов и компромиссов в своих трех чистых типах.

Аристотель не раз переходил от внешне статичных категорий к динамичным причинным процессам. Например, рассматривая последствия различного военного устройства, он предложил проницательное причинное объяснение:

Вследствие того что народная масса обыкновенно состоит из четырех частей — земледельцев, ремесленников, торговцев, поденщиков, а для войны пригодны четыре рода оружия — конница, тяжеловооруженная пехота, легковооруженная пехота, флот, там, где условия местности оказываются удобными для верховой езды, имеются благоприятные данные для создания мощной олигархии: ведь спасение для жителей — в этом виде войска, а содержать коней могут только люди, владеющие крупной собственностью; там, где условия местности благоприятны для создания тяжеловооруженной пехоты, условия подходят для второго вида олигархии: ведь служба в тяжеловооруженной пехоте скорее по плечу состоятельным людям, нежели неимущим; легковооруженное же войско и матросы всецело соответствуют демократии. И в настоящее время там, где эти последние имеются в преобладающем количестве, олигархи при возникновении внутренних междоусобий зачастую терпят поражения.

В «Политике» Аристотель ограничил свое систематическое рассмотрение политического оспаривания революциями, под которыми понималось насильственное свержение режимов подданными этих режимов. Но он также упоминал о фракционной борьбе, заговорах и коллективном сопротивлении требованиям правительства. В каждом случае он считал форму режима результатом баланса между локальными силами (особенно богатыми, средним классом и бедными), складывающегося в результате определенных исторических обстоятельств. Он считал оспаривание совокупным следствием этого баланса и типа режима, которое опять-таки определялось соответствующими историческими обстоятельствами.

Аристотель явно считал, что режимы имеют свои собственные характерные формы оспаривания и что смена режима происходит

в результате политического оспаривания. В противоположных режимах разные правящие коалиции проводили различные стратегии правления, которые меняли стимулы и способность различных групп внутри государства защищать или проводить свои интересы в жизнь, действуя сообща. Аристотель объяснял борьбу своего времени, сочетая взгляды рационалистов и структуралистов, за тысячи лет до того, как эти ярлыки вообще начали использоваться (об этих ярлыках см.: Lichbach and Zuckerman, 1997).

Вообще говоря, недавние исследователи отношений между типами режимов, сменами режимов и формами государственной политики, распределялись в континууме, противоположные концы которого можно назвать Принципом и Историей. Несмотря на использование исторических примеров, работы Аристотеля располагались ближе к Принципу: независимо от близости или удаленности в пространстве и времени, один режим отличался от другого настолько, насколько различались их основные идеи, посылки или организующие принципы. Исторические энциклопедии, напротив, часто располагались на другом конце, считая режимы различными постольку, поскольку они действовали в разные эпохи и в разных местах (см., напр.: Stearns, 2001). В обоих крайних случаях объяснения режимов становятся довольно описательными — на стороне Принципа попытки понять связность фашизма или государственного социализма, на стороне Истории попытки определить своеобразие Китая эпохи Мин или Японии при Токугава. Нас здесь интересуют не столько крайние случаи, сколько положение выделенных соперничающих режимов в континууме. Объяснительные стратегии заметно варьируются на протяжении континуума. Ближе к Принципу располагаются исследования необходимых и достаточных условий различных типов режимов (Dogan and Higley, 1998; Dogan and Pelassy, 1984; Held, 1996; Spruyt, 2002). Ближе к Истории мы находим поиски повторяющихся процессов, которые постоянно вызывают смену режимов, не приводя к одинаковым результатам (Collier and Collier, 1991; Mahoney, 2001, 2002; Mahoney and Snyder, 1999).

Рассмотрим марксистские объяснения. Начиная с работ самого Маркса о докапиталистических общественно-экономических формациях, марксисты обычно занимали позиции, близкие к середине, но на стороне Истории способы производства образуют четкие исторические последовательности, сопровождающиеся борьбой, которая рождается из внутренних противоречий данного способа производства и вызывает переход к следующему (см., напр.: Андерсон 2007; Anderson 1974). И в каждом из этих способов производства логика производственных отношений образует политический режим, который осуществляет власть господствующего класса. Так, в упрощенной картине «Манифеста коммунистической партии» революция разрушает феодальные режимы и заменяет их парламентскими режимами, проводящими интересы буржуазии. Мой учитель Баррингтон Мур критиковал классиче-

ское марксистское объяснение, но заменял его другим объяснением, занимающим примерно то же самое положение в континууме Принципа/Истории (Moore, 1966). Будучи специалистом по российской политике и глубоким знатоком русской истории, Мур придавал классовым отношениям в сельском хозяйстве большее значение, чем большинство марксистов. Соглашаясь с идеей Маркса, что парламентская демократия появлялась в результате преобладания буржуазии, Мур все же утверждал, что коммерциализация сельского хозяйства, упразднение крупных землевладельцев и пролетаризация крестьянства, а не возникновение промышленности, открыло путь к господству буржуазии. И все же для Мура, как и для Маркса, изменение классового устройства вызывало смену режима в ходе борьбы.

Работа Мура послужила источником вдохновения для многих последующих работ о переходе от одного режима к другому. И исследователи муровского толка в первую очередь стремились объяснить, как демократические режимы приходят на смену недемократическим. Они полемицировали с множеством теоретиков, которые вели работу в континууме ближе к Принципу и занимались поиском необходимых и достаточных условий демократических режимов. Несколько упрощая, можно сказать, что многие современные исследователи демократизации выделяют два основных типа режима: авторитарный и демократический (напр.: Przeworski, Alvarez, Cheibub, and Limongi, 2000). Их работа простирается от пристального сравнения конкретных случаев в поиске важных различий для количественных сравнений множества режимов, где авторитаризм и демократия становятся высоким и низким значением одной и той же переменной: демократичности (Anderson, Fish, Hanson, and Roeder, 2001; Arat, 1991; Bratton and van de Walle, 1997; Burkhart and Lewis-Beck, 1994; Dawisha and Parrott, 1997; Lijphart, 1999; Linz and Stepan, 1996; Vanhanen, 1997; Yashar, 1997).

Схожим образом позиции распределяются и в сравнительном изучении государств всеобщего благосостояния. Зачастую отступая от сравнительно исторического описания британской социальной политики, предложенного Томасом Хамфри Маршаллом (Marshall, 1950; см. также: Barbalet, 1988; Turner, 1997), в последнее время усилия были сосредоточены на двух во многом неисторических вопросах: какие условия способствуют развитию различных степеней и видов социального обеспечения? Какое влияние различные системы социального обеспечения оказывают на действительную социальную жизнь граждан при различных типах режимов? И вновь исследования здесь простираются от тщательного сравнения конкретных случаев в поиске важных различий для количественных сравнений множества режимов, в которых различный уровень или аспекты обеспечения или социального опыта превращаются в переменные, нуждающиеся в теоретическом объяснении (Esping-Anderson, 1990; Goodin, Headey, Muffels, and Dirven, 1999; Hage, Hannemann, and Gargan, 1989; Janoski and Hicks, 1994; Ruggie, 1996).

В своем «Гражданстве и гражданском обществе» Томас Яноски предлагает более сложную версию, в которой либеральные, традиционные и социал-демократические режимы сравниваются по степени обеспечения в них гражданских прав и обязанностей. (Хотя Яноски сравнивает множество стран, Соединенные Штаты олицетворяют у него либеральный тип, Германия – традиционный, а Швеция – социал-демократический). Пояснив, каким образом определяется тип режима, Яноски показывает связь между типом режима и формами его оспаривания:

Социал-демократические режимы с избирательным правом как организующей проблемой, сильными профсоюзами, влиятельной левой партией, сильным самоуправлением и пропорциональным представительством имели высокий уровень прав и низкий уровень выступлений против режима в открытой системе. Традиционные режимы схожи с социал-демократическими, за исключением того, что они «закрывают» недовольство в политической системе, тяготеющей к элитарности и порождающей большее количество бунтов и выступлений против режима. По социальной замкнутости они делятся на колонизаторские с более открытой натурализацией и мобильностью, которые развивают большую терпимость и обеспечивают больше права, и неколонизаторские с закрытой натурализацией и низкой социальной мобильностью, которые создают более авторитарные режимы. И либеральные общества, в которых избирательное право никогда не было организующей проблемой, имели более слабые профсоюзы, левые партии и вообще государство. В результате они имели более низкий уровень исполнения прав и обязанностей в обществе, открытым для интеграции иммигрантов и имеющих самый высокий уровень социальной мобильности. (Janoski, 1998: 222–223)

Хотя его книга содержит немало исторического материала, эта цитата показывает нам, что Яноски строит свои объяснения вокруг поиска необходимых и достаточных условий различных видов гражданства.

Вместо критики, кодификации или синтеза этих разных подходов к типологизации режимов и перехода от одного режима к другому, я попытаюсь предложить реконструкцию двух наиболее показательных случаев: первый относится к стороне Принципа в нашем континууме, а второй – к стороне Истории. Для Принципа мы возьмем Роберта Даля, а для Истории – С. Э. Файнера.

Подход Даля во многом напоминает аристотелевский. Как показано на Диагр. 1, схема Даля имеет два основных измерения: открытость, степень, в которой люди в юрисдикции данного режима имеют право на участие, и либерализацию, степень, в которой участвующие в данном режиме имеют право на оспаривание условий правления. В отличие от Аристотеля, Даль также признает существование довольно открытых режимов, которые допускают минимальное политическое оспаривание; он называет их открытыми гегемониями. Он также оставляет незаполненным обширное пространство между его четырьмя угловыми типами, в которое можно поместить огромное множество других режимов – например, слабо управляемые кочевые империи, городские

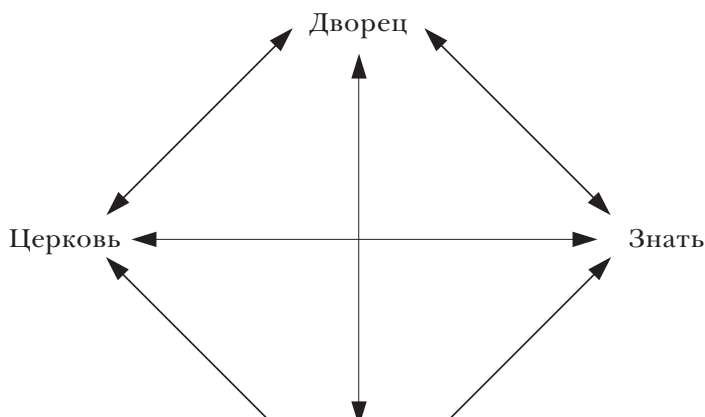

Диагр. 1. Классификация режимов у Роберта Даля

федерации, сложносоставные династические государства и города-империи, которые в течение долгого времени правили на большей части европейской территории.

Возможности оспаривания Даль связывает со следующей совокупностью прав: (1) свобода создания и членства в организациях, (2) свобода самовыражения, (3) право голоса, (4) право быть избранным, (5) конкуренция политических лидеров за избирателей, (6) альтернативные источники информации, (7) свободные и честные выборы и (8) институты выработки государственной политики, зависимые от голосов избирателей и других способов выражения предпочтений. Согласно Далю, режимы существенно отличаются друг от друга по доступности этих восьми институциональных условий, публичному использованию по крайней мере некоторыми членами политических систем, желающими оспорить действия правительств (Dahl, 1975: 119; см. также: Линдблом, 2005). В закрытой гегемонии этими правами не обладает никто, конкурентные олигархии распространяют такие права на небольшую элиту, открытые гегемонии не предполагают таких прав, а полиархии предоставляют их большинству населения. Отметим, что под *оспариванием* у Даля понимается институциональное право на оппозицию, а не характер или частота действительного оспаривания.

Неинституционализированное публичное оспаривание появляется у Даля *incognito*, в виде (не имеющих определенной формы) предъявляемых к режимам требований упразднения причин крайнего неравенства, в виде конфликта, в котором одна часть населения начинает угрожать выживанию другой, в виде формирования революционных оппозиций и иностранного завоевания. Его схема требует от нас оценки взаимодействия между режимами и предоставляемыми ими правами, с одной стороны, и политикой оспаривания, которая иногда использует законные средства, а иногда пренебрегает ими — с другой. Для это-

Диагр. 2. Типология режимов Сэмюэля Файнера

го необходимо соотнести режимы и смену режимов с преобладающим распределением (1) участников, действий и идентичностей в политике оспаривания, (2) условий для появления политики оспаривания и (3) траекторий и результатов политики оспаривания.

Вышедшая посмертно «История правительства» Сэмюэля Файнера рисует другую неоаристотелевскую схему для классификации режимов. Заметив, что режимы можно классифицировать по территориальному измерению (городскому, национальному или имперскому), по разделению тех, кто принимает решения, на элиты и массы, а тех, кто их исполняет, на бюрократию и военных, Файнер, как и Аристотель, приходит в конечном счете к рассмотрению социального характера правящих кадров режима. Как видно из Диагр. 2, Файнер выделяет четыре чистых типа: Дворец (монарх и свита), Знать (привилегированный класс), Форум (сегменты или представители населения) и Церковь (духовенство). Стрелками на диаграмме показаны возможные пути перехода от одного режима к другому и вероятные местоположения смешанных режимов.

Оспаривание постоянно появляется в объяснениях отдельных режимов у Файнера. Например, говоря об итальянских городах-государствах, Файнер отмечает, что патриции часто не допускали принятия в свои ряды новых членов. Но тем самым, замечает он,

они сталкивались с давлением менее богатых или недавно разбогатевших элементов, требующих справедливого участия в управлении; так называемым демократическим движением. Эти элементы обычно использовали свои цеховые организации для того, чтобы направлять свое давление, так что эта борьба походила на попытки цехов разрушить политическую монополию более богатых и более престижных купеческих гильдий. В Италии... эти исключенные элементы создавали ассоциации и называли себя «народом» — *popolo* — и пытались заявить о своих

требованиях путем восстаний. Но то, что происходило в Италии, служит образцовым примером того, что происходило в большей части урбанизированной Европы, начиная с конца XIII столетия: сопротивление олигархии, насилие и даже революции (Finer, 1997: 954).

Однако, ставя перед собой иные задачи, Файнер не рассматривает связи — эмпирические или причинные — между типами режима, политическими переходами и формами политики оспаривания. В этой статье, напротив, основное внимание будет уделено рассмотрению того, как и почему политическое оспаривание варьируется от одного типа режима к другому и как оспаривание взаимодействует с переходом от одного режима к другому.

Исходя из посылок, изложенных ранее, рассмотрим теперь вопрос о существовании четкого соответствия между типом режима А и действием X, появлением процесса Y или траекторией Z. Мы рассмотрим грубые эмпирические закономерности, рассчитывая достичь двух различных целей: во-первых, установить, какие теоретически значимые сходства и различия следует объяснять при помощи каузального объяснения оспаривания; во-вторых, последовательно изучить, как исторически накопленные модели, воспоминания, понимания и социальные отношения — например, остатки прежней гегемонии монгольской империи в данном регионе — влияют на развертывание политики оспаривания. Задача состоит в построении двух грубых концептуальных карт — режимов и политики оспаривания, — сходства и различия между которыми вызывают серьезные вопросы относительно причинных связей.

К сожалению, нам почти не на что опереться при выполнении этой задачи. Исследователи обычно признают концентрацию социальных движений (определяемых довольно узко) в парламентских демократиях, уязвимость ослабленных деспотических режимов перед революциями, частоту удачных переворотов там, где военные обладают значительной автономией, и множество почти тавтологических идей, вроде распространенности забастовок при промышленном капитализме или высокой концентрации крестьянских восстаний в системах с крупными землевладельцами. Но у нас нет никакой общепринятой карты различий в формах и динамике политики оспаривания, которые имеют место при различных типах режимов правления. Кроме того, существующие формулы страдают от серьезных недостатков: во-первых, отсутствует понимание взаимодействия между политическими процессами оспаривания и их местом, например, в том, как политика оспаривания, вызываемая определенными видами режимов, трансформирует эти режимы; во-вторых, нет никакой убедительной интерпретации, к примеру, взаимодействия между взглядами, которые пронизывают рутинную политику, не связанную с оспариванием, и теми, что пронизывают политику оспаривания. И у нас нет динамического причинного объяснения взаимосвязи между режимами и оспариванием.

Поэтому, по примеру Аристотеля, попытаемся построить простую таксономию режимов по вариациям, траекториям и трансформациям политики оспаривания. Термин *режим* в этом контексте означает всякую особую конфигурацию политики: взаимосвязи между правительством, членами политики, имеющими доступ к агентам этого правительства, соперниками, состоящими из конституированных участников, которые не имеют доступа к правительственным агентам, и спорадическими участниками — внешними правительствами, международными организациями и так далее, — находящимися за пределами юрисдикции правительства.

Чтобы учесть в этой модели сложность реальных политических процессов, нам следует: представить правительства не как одинокие звезды, а скорее как галактики с множеством центров и иерархий, часто соперничающих, а не как что-то единое и целостное; изменить четкость границы политики; допустить неопределенность или размытость границ политических юрисдикций; признать, что соперники (и члены, и соперники) различаются по силе и сплоченности; отметить, что данный индивид или группа в рамках юрисдикции правительства могут относиться к множеству соперников или ни к одному вовсе.

Мы также должны сделать модель динамичной, признав возможность смены правительств, изменения соперников и флуктуаций выдвигаемых требований. Наконец, нам нужно поместить политику в их историческую и культурную среду, признав по крайней мере, что предшествующие и смежные формы правительства служат важными шаблонами для создания новых правительств, в результате, история и культура ограничивают действие внешне общих процессов, вроде репрессий и политической мобилизации. Мы имеем дело с взаимным предъявлением требований и ответами на требования среди неодинаково влиятельных соперников в присутствии по крайней мере одного правительства.

Простая модель политики открывает возможность таксономии всех режимов со времен Аристотеля. Эта таксономия отходит от аристотелевского/файнеровского акцента на идентичности правящих классов к далевскому акценту на политических отношениях между правителями и управляемыми. Эта классификация сосредоточена на отношениях между правительствами и членами политики. Она представляет собой функцию пяти переменных:

1. *Состоятельность правительства* (действительное воздействие правительственных действий на действия и ресурсы в рамках юрисдикции правительства в соответствии с неким критерием качества и эффективности): низкая (0) — высокая (1).
2. *Шифота* членства в политике: один лишь правитель (0) — каждый человек в рамках юрисдикции правительства является членом по крайней мере одной политики (1).

3. *Равенство* членства в политике: радикально неравное (0) — каждый человек, принадлежащий к политике, имеет равный доступ к правительственным агентам и ресурсам (1).
4. *Консультации* среди членов политики относительно государственных кадров, политики и ресурсов, которые оцениваются по (а) степени обязательности этих консультаций, (б) степени влияния этих консультаций на правительственные кадры, политику и ресурсы: от их необязательности и неэффективности (0) до обязательности и определяющей роли (1).
5. *Защищенность* членов политики и принадлежащих к ней людей от произвольных действий правительственных агентов: полная незащищенность (0) — полная защищенность (1).

Таким образом I00II (высокая степень состоятельности, ограниченное членство в политике, неравное членство в политике, сильные консультации, широкая защита) описывает идеализированную сильную олигархию или, возможно, даже настоящую аристократию у Аристотеля. Цифры II00 (высокая состоятельность, широкое членство в политике, равное членство в политике, отсутствие консультаций, отсутствие членства) описывают идеализированное тоталитарное государство, худший аристотелевский образ тирании. Последовательность 00000 обозначает крайнюю анархию. Все реальные правительства располагаются где-то посередине, а среднее западное капиталистическое государство в сравнении со всеми остальными государствами, когда-либо существовавшими в истории, по всей видимости, имеет следующие показатели: 0,75 по состоятельности, 0,80 по широте, 0,75 по равенству, 0,70 по консультациям и 0,85 по защищенности. Если рассматривать типы режима по Яноскому, относительные показатели демократических режимов могут выглядеть так (Janoski, 1998: 33–38):

Элемент	Либеральный	Традиционный	Социал-демократический
Состоятельность	0,80	0,85	0,90
Широта	0,80	0,85	0,90
Равенство	0,85	0,80	0,95
Консультации	0,80	0,90	0,85
Защищенность	0,75	0,80	0,95

Хотя я не ставлю перед собой целью точный замер показателей по этим пяти элементам, историю, прошедшую со времен Аристотеля, можно представить в виде огромного табло, на котором высвечиваются меняющиеся показатели для каждого государства. Объяснительная проблема

состоит в выделении и объяснении связи между такими колебаниями, с одной стороны, и изменением характера, интенсивности и траектории оспаривания — с другой.

Эти пять измерений логически различны: в той степени, в какой мы можем анализировать вариации внутри каждого измерения в отдельности. Но они (или, скорее, связанные с ними причины) взаимодействуют настолько сильно, что большая часть образуемого логического пространства остается эмпирически незаполненной. Слабо состоятельные правительства, к примеру, редко или никогда не обеспечивают членам своей политики широкую защиту от произвольных действий правительственных агентов. И широкое членство в политике, крайне неравное членство в политике и обязательные консультации не могут сосуществовать друг с другом в течение долгого времени. Вообще, все выглядит так, словно значительный прирост состоятельности правительства способствует расширению членства в государстве, когда важные для работы правительства ресурсы поступают от населения, проживающего в юрисдикции этого правительства, потому что борьба за эти ресурсы ведет к временным сделкам, которые устанавливают взаимные права и обязанности между правительственными агентами и теми, кто предоставляет ресурсы. Таким образом, вся теория трансформации правительств должна быть представлена в форме каузальных суждений, связывающих пять этих измерений. Но до сих пор важные вопросы относительно зависимости различий в политике оспаривания от показателей режима по этим пяти параметрам поднимались обособленно.

Состоятельность правительства не входит в определение демократии, хотя и оказывает значительное влияние на возможность демократических процессов. В принципе, можно представить широкое политическое участие, относительное равенство индивидов или других социальных единиц, обязательность коллективных консультаций и защиту в отсутствие всякого правительства. Анархисты и утописты часто считали относительную демократию отдельных мелких предприятий, мастерских и местных общин свидетельством осуществимости безгосударственной демократии в крупном масштабе. Но исторический опыт подталкивает к другому выводу: там, где правительства терпят крах, появляются другие хищники. В отсутствие действенной правительственной власти люди, которые располагают значительными объемами капитала, средств принуждения или верных сторонников, используют их для достижения собственных целей, создавая тем самым новые формы угнетения и неравенства. Если высокая степень состоятельности правительства и не определяет демократию, она кажется необходимым условием для демократии в крупном масштабе.

Но из этого наблюдения невозможно вывести обратное: что повышение состоятельности правительства неизменно способствует демократии. На самом деле повышение состоятельности правительства способствует тирании гораздо чаще, чем расцвету демократии. При абстрактном

рассмотрении опыта всех правительств отношение между состоятельностью правительства и демократией выглядит асимметрично криволинейным: при средней и средневысокой степени состоятельности правительства демократия встречается чаще, но после преодоления этого порога правительственные агенты начинают контролировать слишком широкий спектр деятельности и ресурсов, сворачивая демократию.

С этой точки зрения гражданство возникает только при высоких показателях по этим пяти параметрам. Только там, где правительство достаточно состоятельно, членство в политике включает значительную часть подданных правительства, людям, которые являются членами политики, гарантировано некоторое равенство в доступе к правительству, консультации с этими людьми влияют на деятельность правительства, а люди, принадлежащие к политике, в какой-то степени защищены от произвола, мы можем говорить о взаимных правах и обязанностях правительственных агентов перед целыми категориями людей, определяемых по их отношению к данному правительству, то есть о гражданстве. Хотя такого рода гражданство связывало членов элиты греческих полисов с их правительствами, а представителей элиты многих средневековых европейских городов с их муниципалитетами, в целом гражданство в национальном масштабе прочно закрепилось только в XIX веке. На Диагр. 3 приведены эти пять измерений и показано положение анархии, демократии и гражданства.

Демократия опирается на гражданство, но им не исчерпывается. И большинство западных государств создали определенные формы гражданства в XIX веке, но на протяжении большей части этого периода гражданство было слишком узким, слишком неравным, слишком неконсультативным и /или слишком незащищенным, чтобы эти режимы можно было признать демократическими. Например, режимы, которые мы обобщенно называем «тоталитарными», обычно сочетали высо-

Диаг. 3. Пятимерная таксономия режимов

кую степень состоятельности правительства с относительно широким и равным гражданством, но не обеспечивали ни обязательных консультаций, ни широкой защиты от произвола правительственных агентов.

Некоторые монархии поддерживали узкое, неравное гражданство, консультируясь с немногими счастливыми, которые пользовались гражданством и защитой от произвола правительственных агентов; такие режимы относятся к олигархиям. В поисках демократических режимов мы можем считать сравнительно высокую состоятельность правительств самоочевидной, потому что она является необходимым условием для сильных консультаций и защиты. Мы признаем режим с высокой степенью состоятельности демократическим, когда он обеспечивает не просто гражданство, а широкое гражданство, относительно равное гражданство, последовательные консультации с гражданами и значительную защиту от произвола правительственных агентов.

Консультации и защита требуют дальнейших оговорок. Хотя многие правители заявляли о том, что они были проводниками воли народа, лишь правительствам, создавшим конкретные институты для выражения предпочтений, удалось обеспечить также обязательные и действенные консультации. На Западе наиболее наглядным примером таких институтов служат представительные собрания, конкурентные выборы, референдумы, петиции, суды и публичные собрания; вопрос о роли опросов, дискуссий в средствах массовой информации или групп с особыми интересами остается весьма спорным.

На стороне защиты демократии обычно гарантируют зоны терпимости к словам, убеждениям, собраниям, объединениям и публичной идентичности, хотя и предъявляют довольно внушительный объем культурных стандартов для участия в политике; режим, который предписывает определенные формы слова, убеждений, собраний, объединений и публичной идентичности, исключая все остальные формы, может обеспечивать широкое, равное гражданство и определенные консультации, но отходит от демократии в сторону популистского авторитаризма, оговаривая условия предоставления защиты. На краю пятимерного пространства, где расположены демократические режимы, предшествующий исторический опыт помещает ряд моделей, взглядов и практик, касающихся вопросов, вроде способов проведения конкурентных выборов. Политическая культура демократии ограничивает свободу действий вновь созданных демократий как потому, что она предлагает уже готовые шаблоны для построения новых режимов, так и потому, что она влияет на вероятность того, что существующие власти — демократические или нет — признают новый режим демократическим.

На протяжении большей части человеческой истории подавляющее большинство режимов было недемократическим; демократические режимы — это редкие, случайные и недавние создания. На локальном уровне иногда действительно создавались частичные демократии; например, в деревнях, которыми управляли советы, включавшие

большинство глав домохозяйств. На уровне города-государства, владений военного правителя или региональной федерации формы правительства смещались от династической гегемонии к олигархии с ограниченным, неравным гражданством или полным его отсутствием, ограниченными консультациями (или опять-таки полным их отсутствием) и слабой защитой от произвола правительства. До XIX века крупные государства и империи, как правило, управлялись при помощи косвенного правления: системы, в которых центральная власть получала от местных правителей, обладавших значительной автономией в своих владениях, дань, сотрудничество и гарантии покорности со стороны подданных. Если смотреть снизу, то для простых людей такие системы часто насаждали тиранию. Но если смотреть сверху, они не были достаточно состоятельными; они получали ресурсы от посредников, что налагало серьезные ограничения на способность правителей править или преобразовывать мир в собственных юрисдикциях.

Только в XIX веке произошло широкое распространение прямого правления, создание структур, распространяющих коммуникацию и контроль правительства от центральных органов власти до отдельных местностей или даже домохозяйств и обратно. Даже тогда прямое правление варьировалось от унитарных иерархий централизованной монархии до сегментации федерализма. В целом прямое правление сделало возможным широкое гражданство и, следовательно, демократию. Возможным, но не обязательным: инструменты прямого правления использовались многими олигархиями, некоторыми автократиями, множеством государств, управляемых партиями или военными, и несколькими фашистскими тираниями. Даже в эпоху прямого правления большинство государств оставалось недемократичным.

Конечно, мы можем выстраивать режимы и по другим измерениям, а не только по состоятельности и демократичности: например, по величине, разнообразию внутренних правительств и непосредственности центрального контроля. Но мы попытаемся подойти к нашей проблеме под несколько иным углом, чем у Аристотеля, Даля и Файнера. Мы сосредоточим внимание на различиях между режимами по степени их недемократичности/демократичности и низкой/высокой состоятельности правительств. Эти аспекты важны для нас по нескольким причинам: (1) потому что они привлекли к себе больше теоретического и эмпирического внимания исследователей народной политики, чем такие аспекты, как единообразие государственной администрации или множество управленческих единиц; (2) потому что в последние столетия они оказали большое влияние на характер, траектории и динамику политики оспаривания; и (3) потому что даже степень состоятельности и уважения к демократии у режима в долгосрочной перспективе сказывается на качестве его политики оспаривания.

Вернемся к демократическому пятиугольнику: состоятельности, широте, равенству, консультациям и защищенности. Я рассмотрю раз-

личия режимов в политике оспаривания по каждому измерению, выдвинув ряд доводов, которые можно назвать предположениями, гипотезами или спекуляциями. Эти доводы опираются на знания, ограничивающиеся преимущественно недавним западным опытом. Я не делаю предположений, противоречащих имеющемуся опыту. Поэтому выдвинутые предположения требуют опровержения со стороны специалистов, который лучше владеют этой темой.

Как и почему нам следует ожидать того, что различия в степени состоятельности правительства повлияют на оспаривание? По большей части потому, что более высокая степень состоятельности означает, что (а) правительственные агенты имеют стимулы и средства для вмешательства в более широкий круг социальных взаимодействий в зоне работы правительства; (б) правительственные действия, независимо от их целей, влияют на широкий круг участников и взаимодействий и, следовательно, подталкивают заинтересованные стороны к наступлению, обороне или изменению собственных требований; (в) независимо от соперничающих проектов и действий третьих сторон, агенты правительства, контролируемые им ресурсы и его реакции приобретают все большее значение для таких проектов.

Напротив, при низкой степени состоятельности правительства большая часть политики оспаривания проходит без участия правительства, а попытки вмешательства правительства все чаще встречаются организованный отпор. Из этого можно сделать некоторые эмпирические выводы, например:

1. Чем выше степень состоятельности правительства, чем больше ресурсов и видов деятельности в государстве охватывается действиями правительства, тем выше вероятность предъявления требований правительственным агентам.
2. Чем ниже степень состоятельности правительства, тем выше вероятность насильственного соперничества между неправительственными группами за удовлетворение своих требований.
3. Чем ниже степень состоятельности правительства, тем шире распространенность прямых действий против ренегатов и агентов центральных властей.
4. Чем ниже степень состоятельности правительства, тем больше тайных репрессий, тем согласованнее сопротивление внешним угрозам, локальные действия, теснее связи с соответствующими идентичностями и тем разнообразнее требования по своему культурному содержанию.
5. Чем ниже степень состоятельности правительств, тем выше доля правительственных вмешательств, состоящих из насильственного грабежа и /или показательных расправ, и, следовательно, выше вероятность насильственного сопротивления.
6. После определенного порога степень состоятельности правительств коррелирует со степенью прямоты правления и, следовательно,

вероятностью того, что требования будут предъявляться правительственным агентам (и ими самими), а не уполномоченным посредникам или автономным властителям.

7. Высокая степень состоятельности правительств в среднем зависит от большего изъятия ресурсов у подданных и, следовательно, обостряет конкуренцию за изъятие ресурсов с неправительственными организациями.

Все эти гипотезы ведут к конкретным сравнениям между режимами формами политики оспаривания. Их достоинство состоит в том, что они предлагают четкие ориентиры для исследователей, а недостаток в том, что они ограничиваются статическими сравнениями высокого / низкого.

Как насчет членства в политике? При самом ограниченном никто из подданных данного правительства не имеет ни прав, ни взаимных обязательств, связывающих его с правительственными агентами и правительственных агентов с ним. При самом широком все подданные обладают гражданством. Категориальное гражданство в этом случае либо тождественно, либо коррелирует с членством в политике. В таком случае можно ожидать значительных различий в средствах оспаривания между широкими и ограниченными политиями, когда (а) в ограниченных политиях те, кто предъявляют требования (особенно нечлены политики), склонны искать подход к правительственной власти непрямо и /или неявно при помощи неформальных сетей, подкупа правительственных агентов, террора и подрывной деятельности, а (б) соперники в широких политиях зачастую обращаются к средствам, схожим с теми, что используются членами политики, хотя и несколько отличным от них, чтобы привлечь внимание к самим себе или к своему подрывному потенциалу.

Отсюда вытекает несколько более определенных гипотез:

1. Расширение членства в политике способствует образованию альянсов и появлению требований признания и предоставления членства все еще исключенным участникам.
2. Сужение членства в политике встречает отпор и ведет к образованию альянса между членами политики, столкнувшимися с угрозой утраты членства.
3. Чем уже членство в политике, тем чаще подданные ищут подход к правительственной власти непрямо и /или тайно посредством неформальных сетей, подкупа правительственных агентов, террора и подрывной деятельности.
4. Чем уже членство в политике, тем выше доля открытого оспаривания, непосредственно бросающего вызов властям, далекого от форм предъявления требований, предписываемых или одобряемых властями.
5. Чем шире членство в политике, тем выше доля открытого оспаривания, которое происходит на границах предписанных политических

форм, например, в виде социальных движений или проведения разрешенных публичных церемоний.

6. Между шириной членства в государстве и частотой, с которой несогласные члены политики оказывают поддержку нечленам, содействуя их включению, существуют криволинейные отношения: реже при крайне ограниченном или необычайно широком членстве в политике и чаще в промежуточном положении.
7. Чем сильнее раскол в политике, тем чаще возникают такие коалиции. Таким образом возникает динамика включения, исключения и оспаривания. И вновь гипотезы приводят к довольно любопытным статистическим сравнениям, но оказываются неспособными выделить динамику причинно-следственных отношений.

А равенство членства в политике? Идеальное равенство членства в политике требует не равенства богатства, власти или благосостояния, а абсолютно одинаковых отношений у всех с правительственными агентами. Абсолютное неравенство членства в политике требует не глубокого равенства в уровне жизни, а дифференциации в индивидуальных и групповых отношениях с правительственными агентами. (Но, возможно, Аристотель был прав, говоря, что большое материальное неравенство создает неравенство членства в политике, так как богатые участвуют в политике, так как богатые используют свои средства для того, чтобы влиять на политический процесс и действия правительственных агентов, увеличивая тем самым неравенство членства в политике). Ни одно правительство никогда не распространяло идеального равенства членства в политике, так как всегда существовали определенные сегменты исключенного населения, особенно дети, преступники и неспособные. Даже в самых демократических правительствах с широкими правами гражданства выгоды и обязательства гражданства дифференцируются в зависимости от пола, возраста, военной службы, наличия/отсутствия судимости и занимаемых должностей.

Эти рассуждения очень важны для построения карт оспаривания в различных режимах. Например, чем более равным является членство в политике, тем больше политика откликается на эффективную демонстрацию соперниками своего достоинства, сплоченности, численности и верности своему делу. (Так и должно быть, потому что это свидетельствует о способности оспаривающего вмешаться в обычные консультации, получив при этом поддержку со стороны других оспаривающих). С другой стороны, чем более неравным оказывается членство в политике, тем больше различия между каналами, которые используются различными сегментами населения для предъявления своих требований, и тем выше различия в эффективности требований данных участников. (Под «каналами» понимается не только способ предъявления требований, но и формирование коалиций, взаимодействие с властями, центристские и центробежные ориентации и репертуары). Остальные гипотезы выглядят так:

8. Чем более равным является членство в политике, тем чаще проигравшие в обязательных консультациях соглашаются со своим проигрышем и тем реже оспаривание таких консультаций, в том числе и насильственное.
9. Чем более равным является членство в политике, тем больше сходств в репертуаре предъявления требований у различных оспаривающих. (И это несмотря на постоянные попытки оспаривающих сделать так, чтобы форма предъявления требований или требования хоть чем-то да отличались от форм предъявления требований или требований у других оспаривающих: различия здесь крайне невелики).
10. Равенство членства в политике имеет криволинейное отношение к размеру политики: его больше в средних, чем в очень крупных и очень мелких политиках.

II. Чем больше эксплуатация и ограничение возможностей (и, следовательно, категориальное неравенство) среди основного населения, тем больше неравенство членства в политике (см.: Tilly, 1998: chapter 7).

Отсюда следует, что и равенство, и выравнивание оказывают большое влияние на характер политики оспаривания. Но прежде чем перейти к обсуждению динамики, нам необходимо более внимательно рассмотреть действительные процессы, которые меняют формы неравенства.

Обязательные консультации? Теоретики демократии часто считают выборы институтом первостепенной важности. Общонародные выборы действительно служили важной технологией для консультаций — обязательных или нет. Но отметим, что даже при сильных электоральных режимах обычно имеет место взаимодействие между собственно избирательными кампаниями и (а) демонстрацией потенциальной электоральной силы коллективными участниками, не участвующими в избирательных кампаниях, (б) законодательной работой, (в) процессами отбора кандидатов, включая покрытие затрат на кампанию, и (г) вознаграждения сторонников. В любом случае при различных режимах имеют место определенные обязательные консультации посредством действия сетей патрона/клиента, представительства, плебисцитов, сходов, референдумов, консультативных собраний, опросов, петиций, лоббирования, публичных ритуалов и так далее. Рассмотрим теперь относительно публичные, прозрачные и институционализированные формы обязательных консультаций.

Из этих рассуждений следует, что между политикой оспаривания и обязательными консультациями существует сильная взаимосвязь. Например, чем шире и обязательнее консультации между членами политики, тем больше общих интерпретаций возникает в результате публичного обсуждения. И наоборот, чем консультации уже и менее обязательны, тем больше общих интерпретаций возникает в результате неофициальных, «подпольных» обсуждений и тем сильнее разделение между (а) подрывным дискурсом такого рода, который Джеймс Скотт

(Scott 1985) называл «оружием слабых», и (б) публичной драматургией, предполагающей обращение к широко известным символам, легендам, событиям, датам и людям. Отсюда более детальные гипотезы:

1. Преобладающие формы консультаций (например, выборы вместо аудиенций при дворе) влияют на места и формы проведения политики оспаривания, особенно в присутствии демократии и высокой степени обстоятельности правительства. Рутинную политику преследуют парapolитические и собственно политические, но оппозиционные требования.
2. Чем шире и обязательней консультации членов политики, тем сильнее концентрация оспаривания на институционализированных консультациях.
3. Чем шире и обязательней консультации членов политики, тем больше важность абстрактных (а не конкретных) идентичностей в коллективном выдвижении требований.
4. Присутствие гражданских свобод — свободы слова, собраний, объединений и убеждений, а также ограничение возможности ареста людей и собственности правительственными агентами — способствует институционализации консультаций и оспаривания.
5. Широкие и обязательные консультации способствуют принятию форм предъявления требований, опирающихся на широкую организацию и подготовку, а не возникающих из повседневных занятий, наподобие торговли, работы, употребления алкоголя или посещения религиозных служб.
6. Обширные обязательные консультации способствуют распространению форм предъявления требований, расширяющих возможности участия в индивидуальных или коллективных действиях, но не непосредственное участие в данных действиях. Такие формы драматизируют достоинство, сплоченность, численность и верность общему делу как непосредственных участников, так и населения, которое они, по их словам, представляют.
7. Широкие обязательные консультации ставят цели перед региональными или национальными властями, в том числе правительственными агентами.
8. Широкие обязательные консультации способствуют активизации отвлеченных коллективных идентичностей: идентичностей, более общих или отвлеченных по сравнению с теми, что пронизывают рутинные социальные отношения (например, рабочие вообще, а не работники этого определенного цеха).
9. Чем более унифицированы консультации среди всего населения (это зависит от широты и равенства членства в политике), тем больше сходство репертуара предъявления требований в этом населении.
10. Количество требований возрастает по мере увеличения социальной, временной и географической близости к крупным консультациям.

11. Мобилизованные оспаривающие, которым отказано в участии в крупных консультациях, обычно стремятся сорвать или помешать проведению либо вмешаться в ход этих консультаций.
12. Чем меньше обязательность консультаций, тем более восприимчивы оспаривающие к изменениям в возможностях и угрозах (имеется в виду изменение их отношения к существующему режиму и изменение отношений между режимом и внешними участниками).

Как насчет защиты членов политики от произвола правительственных агентов? Нам нужно забраться в эти концептуальные и теоретические дебри по двум причинам: во-первых, потому что «произвол» предполагает наличие стандарта беспристрастного надлежащего процесса, который крайне трудно представить в общем виде и априори, а, во-вторых, потому что даже больше, чем обязательные консультации, защита предполагает непрерывное обсуждение определенных мер с правительственными агентами, как в тех случаях, когда демонстранты сообщают о запланированных маршах полиции или социальные работники идут на нарушение правил, чтобы облегчить положение нуждающихся. Но мы можем представить примерную шкалу, включив позитивные элементы, вроде официального наделения граждан правами, возможности пересмотра и исправления принятых решений и одинакового отношения агентов ко всем социальным категориям. Мы также можем рассмотреть негативные элементы, вроде отсутствия пользующихся протекцией правительства военизированных сил, тайных форм и мест содержания заключенных или широкой слежки за гражданами. Этот общий подход подводит к сильным гипотезам относительно взаимосвязей между защитой и политикой оспаривания:

1. Чем больше защиты, тем сильнее концентрация оспаривания на использовании запрещенных средств предъявления требований.
2. Чем меньше защиты, тем выше доля притязаний на захват правительственной власти, раскол правительственной власти или создание автономии от нее.
3. Чем меньше защиты, тем важнее роль отношений патрона/клиента в оспаривании.
4. Чем меньше защиты, тем сильнее склонность всех оспаривающих приобретать собственную силу принуждения.
5. Чем меньше защиты, тем выше доля предъявления требований, сопряженного с насилием.
6. Чем меньше защиты, тем больше опора соперников на защищенные социальные места и идентичности, основанные на повседневных социальных отношениях — то есть конкретные идентичности.
7. Чем более защита дифференцирована по социальным категориям, тем больше дифференциация репертуаров оспаривания.

Эта длинная череда гипотез, конечно, представляет собой всего лишь ряд обоснованных допущений относительно того, что мы можем ожидать при пристальном рассмотрении различий в политике оспа-

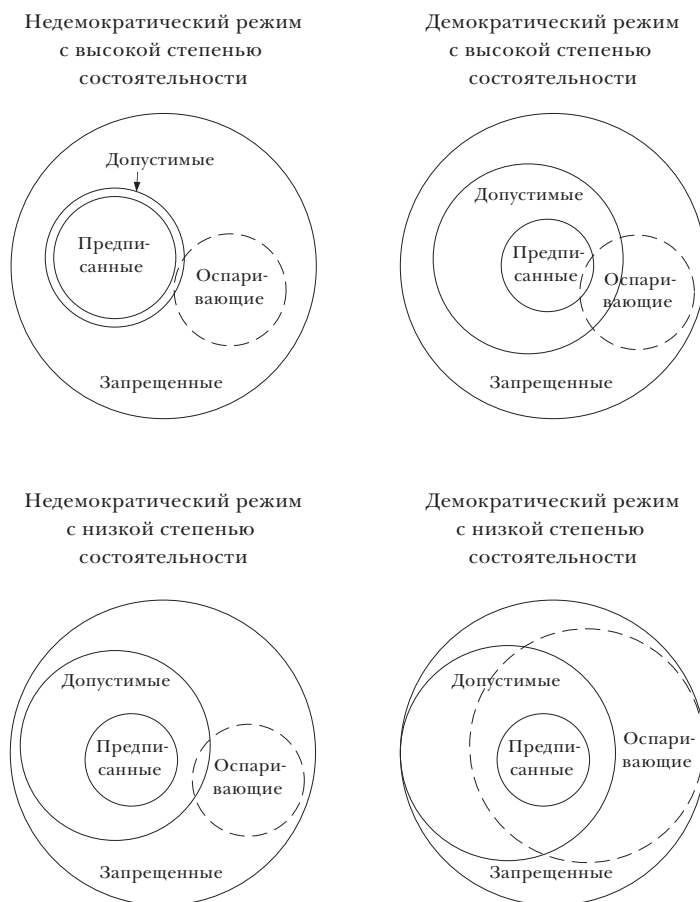
ривания при различных режимах, ограниченных тем, что я знаю (или думаю, что знаю) о действительных различиях в политике оспаривания в западных режимах в течение прошлых столетий. Поэтому речь здесь идет об исследовательской программе, а не о ряде надежных выводов. Я не собираюсь делать здесь эмпирические обобщения, связывающие типы политики оспаривания и типы режима, и уж тем более выводить общие законы, из которых могут вытекать такие эмпирические обобщения. Вместо этого я пытаюсь (1) установить грубые эмпирические закономерности, показывая, какие различия могут быть объяснены валидными теориями политики оспаривания; (2) сформулировать частичные, но убедительные причинные аналогии, касающиеся различных режимов и форм политики оспаривания; (3) предложить карту вариаций для изучения эпизодов оспаривания, существенно различающихся по условиям и форме; и (4) использовать ее для определения круга условий для примерных аналогий, когда они возникают.

Чтобы объединить некоторые из этих разрозненных аргументов и показать важность сосредоточения на состоятельности правительств и демократии/недемократии, рассмотрим выводы из этой схемы для важной проблемы в политике оспаривания: сходству в репертуаре между различными формами политического взаимодействия, связанного и не связанного с оспариванием. Под репертуаром оспаривания здесь понимаются коллективные практики предъявления требований политически конституированными участниками. Эта театральная метафора показывает, что предъявление требований состоит не из заполнения бюрократических форм, а из импровизированных и случайных действий, основанных на предыдущем опыте с привлечением существующих взглядов, социальных отношений и известных практик. Репертуар оспаривания всегда включает ограниченное число таких действий, гораздо меньшее и гораздо более узкое, чем взаимодействия, на которые стороны технически способны.

Отталкиваясь от идеи репертуара, мы будем называть все способы предъявления притязаний представлениями, обычно разыгрываемыми в рамках данного режима. Вообще, следует ожидать, что по ряду причин правительства с высокой степенью состоятельности способствуют появлению более унифицированных способов предъявления требований (оспаривающих или иных), чем правительства с низкой степенью состоятельности: правительства с высокой степенью состоятельности более эффективно сближают рассеянных участников, включая оспаривающих, друг с другом, тем самым способствуя обмену опытом и сотрудничеству в формулировании требований; грубые правительства с высокой степенью состоятельности сами способствуют повышению степени оспаривания, навязывая свои ритмы и структуры способам предъявления требований; и такие правительства также склонны создавать единую административную организацию на всех своих территориях, в отличие от регионального партикуляризма правительств с низкой степенью

состоятельности, — это обстоятельство увеличивает сходство ситуаций, стимулирующих и канализирующих предъявление требований среди различных сегментов населения при правительствах с высокой степенью состоятельности. По этим причинам модульные репертуары — пакеты действий, легко переносимые из одного места, группы, проблемы или организации в другое — должны преобладать при правительствах с высокой степенью состоятельности.

В чем различие между репертуарами демократических и недемократических режимов? В самом общем виде оно показано на Диагр. 4.: состоятельность правительства и демократия отражаются на сочетаниях предписанных, допустимых, запрещенных и оспаривающих политических действий. Каким образом? Во-первых, демократические режимы

Диагр. 4. Конфигурации политического взаимодействия при различных типах режимов

предписывают сравнительно небольшой круг таких действий, но допускают довольно широкий; если воинская повинность, уплата налогов и участие в переписях становится почти обязательным при демократиях, то даже регистрация в качестве избирателя остается добровольной при самых демократических режимах. Наоборот, недемократические режимы с высокой степенью состоятельности обычно предписывают широкий круг публичных политических действий и допускают совсем немного остальных. Они также запрещают гораздо большее количество действий, связанных с предъявлением требований.

Во-вторых, демократические режимы связывают оспаривание с предписанными и допустимыми формами, потому что доступ к власти и признанию обеспечивается при помощи этих форм; так, избирательные кампании и заседания законодательных собраний становятся очагами предъявления требований, даже у тех, кто в настоящее время обладает незначительной властью или не обладает властью вообще. Недемократические режимы с высокой степенью состоятельности, напротив, обычно исключают спорные проблемы и участников от предписанных и допустимых форм предъявления требований, вследствие чего несогласные предъявляют свои требования либо тайно используя допустимые действия, вроде публичных церемоний, либо сознательно предпринимая запрещенные действия, вроде вооруженных нападений.

Но состоятельность правительства также имеет большое значение. Согласно соображениям, изложенным на Рис. 4, недемократические режимы с низкой степенью состоятельности допускают довольно широкий круг средств оспаривания, и на то есть три причины: (1) им не хватает средств для того, чтобы предписывать широкий круг действий, и потому они соглашаются на дань, ритуальное признание и некоторые другие услуги подданных; (2) им также не хватает средств для отслеживания оспаривания в небольшом масштабе в пределах своей номинальной юрисдикции; (3) их попытки насадить культурную и организационную однородность в пределах своей юрисдикции остаются слабыми и неэффективными, вследствие чего действия, процессы возникновения и направления политики оспаривания заметно варьируются от региона к региону и от сектора к сектору.

История знает немного демократических режимов с низкой степенью состоятельности, и немногим из них удалось просуществовать сколько-нибудь большой срок; большинство имело лишь местный масштаб. Но, как правило, такие режимы предписывали не слишком широкий круг действий, а допускали довольно широкий, проводя значительную часть своей общественной жизни в борьбе между спорными требованиями, фракциями и формами действия. Основываясь на долгом средиземноморском опыте городов-государств, Аристотель признавал уязвимость демократических режимов с низкой степенью состоятельности перед фракциями и внешним завоеванием. Они также легко распадаются на политии, организованные вокруг соперничающих — или,

по крайней мере, обособленных — правительств. Поскольку многие из возникающих сегодня демократий опираются на сравнительно слабые правительства, черты демократических режимов с низкой степенью состоятельности должны помочь в объяснении борьбы, разворачивающейся в современном мире. Эти соображения о разнообразии репертуаров нуждаются в уточнении и эмпирической проверке. Они вполне согласуются с недавней историей Запада, подтверждая наше представление о том, что режимы, различающиеся по двум основным параметрам — состоятельность правительства и демократия/недемократия, — приводят к появлению различной политики оспаривания. Поэтому сила правительства и демократизация удостоиваются гораздо большего внимания, чем другие аспекты режимов. Но мы выделяем в анализе демократизации четыре измерения: широту членства в политике, равенство членства в политике, силу консультаций и защиту. В самом общем виде нас интересует вопрос, как положение режима в этом пятимерном пространстве влияет на характер, направление и динамику политики оспаривания.

И первый вопрос, который возникает в этой связи, звучит так: как характер режима влияет на (а) формы политики оспаривания в нем, и на (б) динамику политики оспаривания в его границах? Отсюда второй вопрос:

Как изменения в характере режима влияют на изменения в формах и динамике оспаривания? То есть как изменения в (1) степени состоятельности правительства, (2) широте членства в политике, (3) равенстве членства в политике, (4) силе коллективных консультаций, (5) защите членов политики от произвола властей влияют на изменения в (6) репертуаре оспаривания, (7) способах предъявления требований, (8) тех, кто их предъявляет? Что подводит нас к третьему вопросу: как изменения в репертуарах оспаривания, способах предъявления требований и тех, кто их предъявляет, влияют на особенности и траектории режимов? Точнее, нас интересуют частичные каузальные аналогии, касающиеся широкого круга режимов и формы и динамики их оспаривания. Эти каузальные аналогии касаются трех основных кластеров феноменов: (1) участников, действий и идентичностей, принимающих участие в политике оспаривания; (2) возникновения оспаривания; и (3) развития борьбы.

Большинство ответов, предложенных мною здесь, имеет отношение к сравнительной статике: они показывают, какие виды политического оспаривания могут встречаться в различных местах по этим пяти континуумам и какие изменения могут произойти по мере изменения режимами своего положения в этих континуумах. Отчасти это объясняется тем, что таксономическая аргументация благоприятствует рассмотрению сравнительной статике, а отчасти тем, что причинные аргументы, стоящие за этими гипотезами, остаются грубо или плохо сформулированными.

Тем не менее, размышления о различиях между режимами и политике оспаривания открывают перспективную программу для исследований. Сравнительная программа раскладывает различные процессы оспаривания по пяти измерениям и возможным направлениям изменения режимов; эти статические отношения заслуживают более глубокого эмпирического изучения. Нам нужно изучить такие процессы изменения в соответствующих исторических условиях, позволяющих выделить доступные модели политической практики, а также существующие международные ограничения для режимов и форм оспаривания, скажем, в неразберихе политических перемен в посткоммунистической Восточной Европе. Третье направление исследований касается специфических механизмов, вроде формирования идентичности при разных режимах и политике оспаривания, скажем, рассматривая каузальные аналогии между их действием в национализме, этническом конфликте и неэтнических социальных движениях.

Перевод с английского Артёма Смирнова

Литература

- Андерсон П. 2007. *Переходы от античности к феодализму*. М.: Территория будущего.
- Линдблом Ч. 2005. *Политика и рынки. Политико-экономические системы мира*. М.: ИКСИ.
- Anderson Perry. 1974. *Lineages of the Absolutist State*. London: New Left Books.
- Anderson, Richard D., Jr., M. Steven Fish, Stephen E. Hanson, and Philip G. Roeder. 2001. *Post-communism and the Theory of Democracy*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Arat, Zehra F. 1991. *Democracy and Human Rights in Developing Countries*. Boulder, CO: Lynne Rienner.
- Barbalet, J. M. 1988. *Citizenship*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Bratton, Michael, and Nicholas van de Walle. 1997. *Democratic Experiments in Africa*. New York: Cambridge University Press.
- Burkhart, Ross E., and Michael S. Lewis-Beck. 1994. «Comparative democracy: The economic development thesis». *American Political Science Review* 88: 903–10.
- Collier, Ruth Berins, and David Collier. 1991. *Shaping the Political Arena. Critical Junctures, the Labor Movement, and Regime Dynamics in Latin America*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Dahl, Robert A. 1975. «Governments and political oppositions». In Fred I. Greenstein and Nelson W. Polsby (eds.), *Handbook of Political Science. Volume 3: Macropolitical Theory*. Reading, MA: Addison-Wesley.
- Dawisha, Karen, and Bruce Parrott (eds.). 1997. *The Consolidation of Democracy in East-Central Europe*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Dogan, Mattei, and John Higley. 1998. «Elites, crises, and regimes in comparative analysis». In Mattei Dogan and John Higley (eds.), *Elites, Crises, and the Origins of Regimes*. Lanham, MD: Rowman and Littlefield.
- Dogan, Mattei, and Dominique Pelassy. 1984. *How to Compare Nations. Strategies in Comparative Politics*. Chatham, NJ: Chatham House.
- Esping-Andersen, Gøsta. 1990. *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Cambridge, UK: Polity.

- Finer, S. E. 1997. *The History of Government from the Earliest Times*. Oxford, UK: Oxford University Press.
- Goodin, Robert E., Bruce Headey, Ruud Muffels, and Henk-Jan Dirven. 1999. *The Real Worlds of Welfare Capitalism*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Hage, Jerald, Robert Hanneman, and Edward T. Gargan. 1989. State Responsiveness and State Activism: An Examination of the Social Forces that Explain the Rise in Social Expenditures in Britain, France, Germany and Italy 1870–1968. London: Unwin Hyman.
- Held, David. 1996. *Models of Democracy (2nd Edition)*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Janoski, Thomas. 1998. Citizenship and Civil Society: A Framework of Rights and Obligations in Liberal, Traditional, and Social Democratic Regimes. New York: Cambridge University Press.
- Janoski, Thomas and Alexander Hicks (eds.). 1994. «Methodological Innovations in Comparative Political Economy: An Introduction». Pp. 1–30 in Thomas Janoski and Alexander Hicks (eds.), *The Comparative Political Economy of the Welfare State*. New York: Cambridge University Press.
- Lichbach, Mark Irving, and Alan S. Zuckerman (eds.). 1997. *Comparative Politics. Rationality, Culture, and Structure*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Lijphart, Arend. 1999. *Patterns of Democracy. Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Linz, Juan J., and Stepan, Alfred (eds.). 1978. *The Breakdown of Democratic Regimes*. Baltimore, London: Johns Hopkins University Press.
- Mahoney, James. 2001. *The Legacies of Liberalism. Path Dependence Dependence and Political Regimes in Central America*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Mahoney, James. 2002. «Knowledge accumulation in comparative historical research: The case of democracy and authoritarianism». In James Mahoney and Dietrich Rueschemeyer (eds.), *Comparative Historical Analysis in the Social Sciences*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Mahoney, James, and Richard Snyder. 1999. «Rethinking agency and structure in the study of regime change». *Studies in Comparative International Development* 34:3–32.
- Marshall, T. H. 1992 [1950.] *Citizenship and Social Class and Other Essays*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- McAdam, Doug, Sidney Tarrow, and Charles Tilly. 1996. «To map contentious politics». *Mobilization: An International Journal* 1:17–34.
- Moore, Barrington Jr. 1966. *Social Origins of Dictatorship and Democracy*. Boston: Beacon.
- Przeworski, Adam, Michael E. Alvarez, Jose Antonio Cheibub, and Fernando Limongi. 2000. *Democracy and Development: Political Institutions and Material Well-Being in the World, 1950–1990*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Ruggie, John G. 1996. «Globalization and the embedded liberalism compromise: end of an era?» Working paper 97/1, Max Planck Institut fur Gesellschaftsforschung, Cologne.
- Spruyt, Hendrik. 2002. «The origins, development, and possible decline of the modern state». *Annual Review of Political Science* 5:127–50.
- Stearns, Peter N. (ed.). 2001. *The Encyclopedia of World History, Ancient, Medieval, and Modern, Chronologically Arranged*. Boston: Houghton Mifflin.
- Tilly, Charles. 2001. «Mechanisms in political processes». *Annual Review of Political Science* 4:21–41.
- Turner, Bryan. 1997. «Citizenship studies: A general theory». *Citizenship Studies* 1:5–18.
- Vanhanen, Tatu. 1997. *Prospects of Democracy. A Study of 172 Countries*. London: Routledge.
- Yashar, Deborah J. 1997. *Demanding Democracy. Reform and Reaction in Costa Rica and Guatemala, 1870s–1950s*. Stanford, CA: Stanford University Press.